

К-93

Академия Наук Азербайджанской ССР
Институт литературы им. Низами

На правах рукописи

КУРБАНОВ Магомед Муслимович

ТАБАСАРАНСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

(10.01.09. — фольклористика)

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Махачкала — 1977

Работа выполнена в ордена " Знак Почета" Институте истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.

Научный руководитель— старший научный сотрудник, кандидат филологических наук АХМАДОВ А.А.

Официальные оппоненты:

1. Доктор филологических наук, профессор СЕЙДИДОВ М.А. г.Баку.
2. Кандидат филологических наук, доцент МАЛЬСАТОВ А.О. г.Грозный.

Ведущее предприятие— Дагестанский государственный университет им. В.И.Ленина.

Защита состоится "10" сентября 1977г.
на заседании специализированного совета / К004.14.01/ по присуждению ученой степени кандидата наук в Институте литературы им. Низами АН Азербайджанской ССР, Баку, 370073, пр.Нариманова, 31, Академгородок, 5 этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке АН Азербайджанской ССР.

Автореферат разослан "10" августа 1977г.

Ученый секретарь
специализированного совета Фелиханова Ф.А.ВЕЛИХАНОВА

Советская культура собирает в себя достойные искусства не только крупных народов, но и сокровища всех малых народов нашей многонациональной семьи. Л.И. Брежнев в докладе " О 50- лети СССР" отметил, что " советская культура - это органический сплав создаваемых всеми народами духовных ценностей"¹ В свете решений партии о развитии литературы и искусства важное значение имеет изучение словесно- художественного наследия народов СССР.

Высокохудожественные произведения народного искусства являются одним из лучших средств идейно- политического и эстетического воспитания трудящихся. Устное творчество- это своеобразное художественное отражение многовековой истории трудового народа, его мировоззрения и эстетических идеалов.²

В культурной жизни малых народов, не имевших в прошлом письменности и литературы, устное творчество играло особую важную роль. Народы эти, несмотря на свою малочисленность, создали памятники словесного искусства, покоряющие своим идейно- художественным богатством. Народное творчество было почвой, на которой выросла письменная художественная литература, которая всегда черпала из фольклора прогрессивные идеи и образы. Поэтому невозможно представить процесс формирования литератур малых народов нашей страны в их многообразии, их современное развитие и специфику без изучения и познания одного из ее источников- устного народного творчества.

Диссертация посвящается исследованию традиционной народной поэзии табасаранцев- одной из малочисленных коренных народностей

¹ Л.И.Брежнев. О 50-лети СССР. М., Политиздат, 1972, стр.7.

² А.М.Горький. О литературе. М., 1961, стр.427.

Южного Дагестана. По переписи 1971 года их насчитывалось 55 тысяч человек, занимают они низменные и плоскогорные районы к юго-западу от Дербента, в основном, в долине р. Рубас и верховьях р. Гольгери.

Эта небольшая народность имеет древнюю, полную тревог и волнений историю. Первое упоминание о табасаранцах, как о народе "таваспары",¹ встречается в сочинении Ф. Бузанда, написанном в V веке н.э.

Основным хозяйственным занятием табасаранцев в прошлом было земледелие, животноводство и садоводство. Кроме того, в Табасаране, как и во всем Южном Дагестане, были широко развиты ремесла, в особенности, гончарное производство и ковроделие.

Народное поэтическое творчество — составная часть культуры табасаранцев. Формирование его жанровой системы началось с глубокой древности. Табасаранский фольклор вообрал в себя сказки, обрядовые и внеобрядовые песни, пословицы и поговорки, загадки, детский фольклор, исторические сказания и предания, притчи, легенды и другие жанры. В отличие от других народностей Дагестана — аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев — у табасаранцев ещё не зафиксированы произведения эпоса, исторических песен или баллад. Однако обнаруженные в последние годы отрывки эпических песен свидетельствуют о том, что некогда в народе бытовал эпос, посвященный героическому сопротивлению табасаранцев войскам иранского завоевателя Надиршаха.

Диссертация состоит из трех глав, введения и заключения, в конце дана библиография.

¹ Ф. Бузанд. История Армении. Ереван, 1953, стр. 15.

Во введении определяются цели и задачи исследования, приводятся краткие данные об истории табасаранцев, общая характеристика поэтических жанров народного творчества.

Основное внимание в исследовании уделено лирическим произведениям табасаранского фольклора: обрядовой поэзии/ аграрный цикл песен, причитания, свадебные песни/, внеобрядовой/ любовная лирика, песни на темы социальной жизни народа/, а также отдельным лирико-эпическим произведениям.

Поскольку табасаранская народная поэзия научно еще не изучалась, мы сочли нужным дать характеристику поэтических жанров фольклора, исследовать их тематику, идейные и художественные особенности. Ввиду специфики материала и отсутствия этнографических разработок, в диссертации / особенно в I-ой главе/ филологический анализ произведений сочетается с кратким этнографическим описанием народных обрядов и праздников. Серьезное внимание уделено в исследовании также выявлению фольклорных связей табасаранцев с народами Южного Дагестана и Азербайджана.

До Великой Октябрьской революции произведения табасаранского фольклора специально не собирались. Из дореволюционных публикаций представляют определенный интерес первая запись Д. Донуговым исторического сказания "Ургур чечьун кьала" / "Крепость семи братьев"/, опубликованного П. К. Усларом в 1899¹ г., и бытовые сказки, пословицы, записанные немецким этнографом и языковедом А. Дирром и использованные им в качестве иллюстрации к своему труду о табасаранском языке². Только при Советской власти началась систематическая запись и публикация текстов. Значительный материал собран Б. Митаровым, А. Ханмагомедовым, М. Митаровым, А. Джафаровым, Т. Магомедовым и др. Произведения табасаранского

¹ СМОНПК, вып. 26. Тифлис, 1899, стр. 19-20.

² А. Дирр. Грамматический очерк табасаранского языка. СМОНПК, вып. 35, Тифлис, 1905.

фольклора опубликованы в школьных хрестоматиях, общедагестанских антологиях / 1934 г., 1954 г., 1960 г., 1971 г./, в ежегодных изданиях журнала "Литературный альманах", начиная с 1949 года, и в сборнике "Халкьдин ирс" / "Народное наследие"/.¹

Исследование жанров табасаранского фольклора находится в начальной стадии. Обзор поэзии табасаранцев, характер бытования фольклорных произведений даны в ряде работ.²

Из всех жанров фольклора табасаранцев изучены лишь афористические наряду с поговорками, поговорками, загадками народов Дагестана в диссертации М.М. Гасанова.³

Изучению народной поэзии посвящены труды многих русских и советских ученых: А.Н. Веселовского, В.М. Сидельникова, Н.П. Колпаковой, Т.И. Акимовой, В.П. Аникина, У.Б. Далгат, Х.М. Халилова, С.М. Хайбуллаева и др.

Настоящее исследование базируется преимущественно на материалах, собранных автором во время фольклорных экспедиций 1971-1973 годов и записанных на табасаранском, лезгинском и азербайджанском языках.

¹ "Халкьдин ирс". Сост. М. Митаров. Махачкала, Дагучпедгиз, 1974.

² М.М. Гасанов. "Мяллий рияхъ вилки, ляхи личи ангуру. "Дагъустан динтагъли". Махачкала, 1963, №5; он же. Дагъустан халкьдин дуртунатъ. "Литературный альманах", 1966; он же. Дагестанские пословицы, поговорки, загадки. Махачкала, 1971; М. Митаров. Сидельников "Халкьдин ирс".

³ М.М. Гасанов. Афористические жанры дагестанского фольклора. Рукоп. канд. дисс. Махачкала, 1967.

⁴ А.Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940; В.М. Сидельников. Поэтика русской народной лирики. М., 1959; Н.П. Колпакова. Русская народная бытовая поэзия. М.-Л., 1962; Т.И. Акимова. О поэтической природе народной лирической песни. Саратов, 1966; В.П. Аникин. Календарная и свадебная поэзия. Изд. МГУ, 1970; У.Б. Далгат. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1963; Х.М. Халилов. Дагестанский весенний фольклор. Махачкала, 1959; С.М. Хайбуллаев. Аварская народная лирика. Махачкала, 1973.

Первая глава - "Обрядовая поэзия" - освещает древнейшие жанры табасаранской поэзии - календарно-аграрный цикл песен, драматического чтения и свадебную поэзию.

Обрядовая поэзия, как утверждает большинство исследователей, относится к наиболее древним видам народного творчества, она возникла вместе с обрядами, формирование которых связано с трудовой деятельностью первобытного человека. Зависимость от природы способствовала зарождению у древних людей мнения, что природные явления имеют определенную магическую силу. Отсюда и возникли специальные обряды, связанные с земледелием и другими занятиями, совершение которых, по представлениям древних людей, должно было содействовать хозяйственному благополучию.

Традиционный обряд "Эвелцен" - праздник наступления весны - был наиболее массовым и популярным среди табасаранцев. Аналогичный весенний праздник зафиксирован у многих народов мира.

Табасаранцы праздновали "Эвелцен" 22 марта, в день весеннего равноденствия. Мужское население селения с зурначами и гямпями / шутами в масках и пришитыми хвостами / направлялось в соседний аул. Шествие сопровождалось танцами, песнями, шутками, играми. Карнавал шел от двора к двору под музыку и хлопки. В ночь праздника на улицах зажигали костры, через которые мужчины, женщины и дети прыгали, чтобы очиститься от грехов и болезней.

Ритуалы обряда носили магическую целенаправленность. Бытовала песня, приуроченная к кануну "Эвелцена". Она извещала хозяйку дома о скором наступлении праздника и напоминала о хозяйственном состоянии труженника:

Эвелцен жабгъура,	Эвелцен бекит,
Гъямилар-баяр ергура,	Шути прыгайт,
Цаликк баяр кканив, аьхю баб?	В стене птенцы есть, бабушка? ¹
Тенниъ пиш-пиш анив, аьхю баб?	В тендере пиш-пиш ² есть, ба - бушка?
Тенхлиъ хю анив, аьхю баб?	В амбаре мука есть, бабушка?
Марпакк чТукIар кканив, аьхю баб?	В камине блины есть, бабушка?
Жан, аьхю баб, саб мурта адабгъ!	Жан, бабушка, дай нам одно яйцо!
Я, аллагъ, ризкъ бул ибпригуз!	О, аллах, пусть зерна будет в изобилии! ³

Песни, посвященные обряду "Эвелцен", самобытны, однако в процессе их многовекового бытования в народе, под воздействием ислама, образовались религиозные наслоения. Несмотря на это, ритуал исполнения песен сохранил яркий отпечаток синкретизма первообитного искусства.

Древнюю основу вариантов песен "Эвелцена" подчеркивают сохранившиеся в текстах ритмико-мелодические конструкции типа "гуж-гуж", которые утратили свое первоначальное значение / А. Н. Веселовский / и заменяют части песенной мелодии и текста. Архаичность обряда и поэзии подтверждается эти - мологией слова "эвелцен". В одном из вариантов песня начинается со слов: "Эвелцен - цен - цен", где "цен" - лексическая единица,

¹ Имеется в виду: гнездились ли птицы и вывели они птенцов? Бабушка - в значении - "хозяйка дома".

² Пиш - пиш - словесно-звуковая единица, означающая шум варящегося в тендере гороха.

³ Здесь и далее подстрочные переводы автора работы.

означающая пахоту, обработку земли / "цен" - "чан" - "чан апЛин" - обработка / . Часть слова "эвелцен" - "эвел" - означает "начало", "самое древнее", "архаичное", "первоначальное". Слово это перешло в табасаранскую лексику из арабского языка, где "эвел" - "начало", во-первых". Отсюда - "эвелцен" - начало обработки земли.

Другим традиционным обрядом табасаранцев является "Гудил" - магический обряд заклинания дождя.

В знойный день собирались мужчины аула и на одного из участников надевали чучело из веток папоротника - "гудил". Старший из мужчин вел "гудила" вперед, остальные шли за ними. Так они ходили от одного двора к другому, исполняя песни заклинания дождя:

Гудил, гудил, эй гудил!	Гудил, гудил, эй гудил!
Гудилъ мархъар кунди а.	Гудил хочет дождя.
Мархъар ургъри хутIлариз,	Пусть дожди идут для полей,
Ризкъ бул ибпри эллериз!	Пусть будет зерно для людей!
Ич гудилиз маръар апIуз, амин!	Чтоб гудилу пошел дождь, амин!

Хозяйка дома выливали воду на чучело-человека и заклинала: "Пусть так промокнет земля!" /Гъямил килар къяли ишри!"/.

При наиболее частых засухах, когда летние дожди приносили опустошительный вред посевам и хозяйству, народ проводил другой обряд, называемый "Гуни". Ритуалы его несколько напоминали обряд "Гудил", однако песни "Гуни" посвящались вызову солнца.

Подобные обряды, проводимые с целью вызывания дождя или солнца, бытовали у многих народов мира; ритуалы их являются традиционными, возникшими в эпоху язычества.

Песни, посвященные обрядам "Эвелцен", "Гудил" и "Гуни", просты и однообразны. Это объясняется тем, что в период возникновения обрядов и обрядовых песен художественное мышление людей было на относительно низком уровне развития. Минимум изобразительно - выразительных средств, наличие в текстах ритмико-мелодических конструкций, утративших свое первоначальное значение, говорят

о том, что поэзия календарно-обрядового характера зародилась в эпоху, когда художественный арсенал поэтики был беден и не накопилось еще необходимого запаса лексического материала. Аграрно-календарные песни были примечательны не столько своей эстетической стороной, сколько практической, утилитарной.

Семейно-бытовой цикл поэзии включает в себя похоронные причитания и свадебную поэзию.

Причитания табасаранцев - один из интересных жанров поэзии. Генезис этого жанра также уходит корнями в глубокую древность. Похоронный плач табасаранцы обозначают словом "шал" /мн. число - "ишилар", "ишалар"/. Возможно, что "шал" как часть основы восходит к общедагестанскому древнему корню, ибо у лезгин плачи означают "ишалар", а у аварцев бывшего Андалалского общества - "шаллай", у лаксов, где диалектные различия стерлись и слово с корнем "шал" не сохранилось, - "зуммав", в одном из диалектов даргинского языка - "ч'ишлайти".¹

Жанру обрядовых причитаний характерно обильное использование импровизаторами традиционных конструкций поэтики, "общих мест", известных образов, тем, стихийность сложения текстов.

Величание покойника, содаление по поводу его смерти, просьба помощи и сочувствия окружающих, небесных сил, природных явлений - основные тематические нити похоронных причитаний табасаранцев, которые перекликаются с плачами почти всех дагестанских горцев.

¹ А. Ахлаков. Причитания аварцев. Рукоп. фонд ИИЯИ Дагфиллала АН СССР, ф.3, оп.5, стр.5.

Среди плакальщиц выделялись наиболее опытные и способные, вызывавшие сильные чувства слушателей манерой своего исполнения, высокой эмоциональностью, задушевностью, умелой импровизацией словесного текста, а также тембром голоса. Им, естественно, уделялось больше внимания. Но согласно правилам обрядности все родственники покойника должны причитать. Табасаранские плакальщицы не были профессиональными.

В отличие от внеобрядовой и свадебной поэзии табасаранцев причитания бытуют только на родном языке.

Образы героев табасаранских "ишилар" схожи с персонажами причитаний народов Дагестана. Герой изображается только с положительной стороны, дается яркий его портрет:

Жан, бавап!	Жан, матери /любимый сынок/!
Паздин улер аур,	Ты тот, у кого соколиные глаза,
КГару кушар алур,	Ты тот, у кого черные волосы,
Балурхин якнар алур,	Ты тот, у кого рыбе мясо, ¹
Магьдин кГурбар аур,	Ты тот, у кого янтарные кости,
Кьндран гардан алур,	Ты тот, у кого журавлиная шея,
ЖеГрандин жан хьаур	Ты тот, у кого тело как у джейрана,
Массав бай, бавапай!	Любимый сын матери!

Другим жанром обрядовой поэзии семейного цикла является свадебная песня. Свадебная поэзия табасаранцев - наиболее распространенный жанр обрядового фольклора, и происхождение этого жанра поэзии, как и причитаний, уходит в глубь столетий.

¹ В значении "нежное", "белое".

Свадебный обряд у табасаранцев имеет сходство с традиционными ритуалами народов Дагестана. Он сопровождается массовым участием людей в ритуалах "кызларгезе" / девичника/, свадебного пествия, вывоза невесты и торжественной встречи ее в доме жениха.

В зависимости от места и характера исполнения свадебные песни табасаранцев подразделяются на дорожные, хвалебные и шуточные.

Музыкально-поэтическая часть обряда - это своеобразная демонстрация народных талантов. Особый интерес представляет амебийное песенное состязание между группами женщин, когда с одной стороны выступают подружки невесты, с другой - невесты из свадебного поезда. Величальные песни, исполняемые группами певцов, адресованы красавице-невесте, жениху, их родственникам. Порой поэтическая сторона свадебного обряда носит юмористический характер. Юмор занимает в обряде немалое место.

Образы героев обряда разнообразны. Невеста наделяется всевозможными качествами: она - красавица, у нее "серебряный бакинский пояс", ходит как "плывет корабль по морю", невеста - "с рождения цветок", "джейран", "госпожа" и т.п.

Если жених и невеста рисуются величально, то родственники жениха и невесты, дружка обычно изображаются в юмористическом виде.

В свадебных песнях табасаранцев прослеживается соприкосновение к восточной поэзии. Почти все песни свадебного обряда состоят из бендов с семисложным размером, и в отличие от причитаний и аграрных песен они приобрели строгую каноническую форму. Бывание некоторых свадебных песен на трех языках /табасаранском, лезгинском и азербайджанском / открывает пути сближения свадебной поэзии табасаранцев с творчеством соседних народов.

Вторая глава - "Внеобрядовая лирика" - посвящена наиболее популярному жанру табасаранского фольклора - любовной лирике - воодушевленному жанру табасаранского народного творчества. Глава включает исследование песен на темы социальной жизни, а также анализ поэтики внеобрядовой лирики.

Традиционная табасаранская песня - "мгыли" - песня вообще, независимо от того, обрядовая она или же лирическая. Она имеет самое широкое бытование в народе и исполнителями ее являются, в основном, женщины.

Принимая во внимание высказывания советских исследователей, автор применил для классификации внеобрядовой поэзии табасаранцев тематический и эстетический критерии. Исходя из этих принципов, табасаранские внеобрядовые песни можно подразделить на любовные, на темы о социальной жизни народа, семейно-бытовые, шуточные и сатирические. Поэзию о любви /носителями и исполнителями, которой являются, в основном, женщины / мы делим на песни эстетического характера и любовные песни - проклятия.

Песни о любви, пожалуй, наиболее популярный жанр в табасаранском фольклоре. В них герои выражают свои интимные чувства, свое отношение к окружающему. Любовь, утверждают песни - это чистое, честое, всеохватывающее чувство.

Дореволюционная общественная среда, в которой жила героиня, оставила свой отпечаток на любовных песнях. В поэзии сказывается стремление героини к свободной, жизнерадостной любви, в ней утверждается право "униженной и оскорбленной" женщины на свой выбор и определение своего места в семейной и общественной жизни.

Табасаранским любовным "мялхийер" характерно выражение внутреннего мира путем сопоставления с явлениями окружающей жизни. В таких случаях, как правило, первые две строки сонета намекают на содержание последующих. Первая часть песни художественно немыслима без второй, как и вторая без первой, вместе они составляют художественно целостный образ:

УкЮ зарь ругь ургура,	В голубом небе солнце горит,
Зарь ургура кум алдарди.	Солнце горит, но без дыма.
Ииз мяляз айя ккЮз ургура,	В моем теле сердце горит,
КкЮз ургура, кум алдарди.	Сердце горит, но без дыма.

Темами, темами, образы, средства образного изображения героев табасаранских песен о любви перекликаются с песнями народов Дагестана. Однако наибольшее сходство они имеют с любовной лирикой соседней — лезгин.

Любовь в народной поэзии табасаранцев непременно должна мучить героев, заставлять их страдать. Герой, влюбленный в девушку-персонаж, напоминает ануга с савом. Любовь-это стремление персонажа, а любимая- идеал в его жизни.

Образ девушки в лирике табасаранцев занимает значительно больше места, чем образ юноши. Портрет девушки прекрасен, "красота ее неповторима":

Я вам описать ее не смею,
Если и посмею, — не сумею.

Рисуя браз любимой, певец пользуется традиционными сравнениями:

Две косы ее подобны струнам,
Две дуги бровей подобны дугам,

Две щеки подобны розам ямы,
Я в одну красавицу влюблен.¹

Идеальный портрет героя в табасаранской поэзии типичен для поэзии многих дагестанских народов. Его изображают лишь штрихами: одет в черкеску, каракулеву шапку, силен как бодибиль и т.п.

Любовные песни — проклятия, рассматриваемые нами как вид любовной лирики, своеобразны своей заостренностью, резкостью выражения внутреннего мира героев. Они полны гнева, пафоса осуждения, ненависти и презрения к тем, кто стоит на пути возлюбленной. Поэтому психология исполнительницы, отраженная в песнях-проклятиях, резко отличается от простого выражения душевного мира в песнях элегического характера. Большинству этих песен характерны проклятия, адресованные возлюбленному. Таким песням присуща осуждающая сила, высокая эмоциональность:

Чунгурин ситар кхэдуз-Иряв,
Ииз кЮули чЮар сим ибпривуз!
Мукбан ккунди зу даранЮбан,
КЮару милыз руг иприва!

Пусть разорвутся струны твоего чунгура,
Чтоб волос мой стал струной для него!
Ты не женился на мне, хотя так любила,
Чтоб ты стал почвой черной земли!

Аналогии табасаранским любовным песням-проклятиям мы находим в поэзии кумыков, даргинцев, лезгин и других народов. В

¹ "Дагестанская народная лирика" / пер. Н.Гребнева/. М., 1957, стр.122.

сложу основных признаках, образах, композиционной структуре табасаранские песни имеют сходные типологические черты с поэзией всех народов Дагестана.

Песни на темы социальной жизни народа - жанр внеобрядовой поэзии табасаранцев, отображающий тяжелую участь бедняка и выражающий отношение труженника к представителям господствующего класса. Если любовная лирика бытовала, в основном, среди женщин, то этот жанр имел распространение преимущественно среди мужского населения. Носителями и исполнителями его были народные певцы, любители народной песни и музыки, которые исполняли их во время тяжелой работы на бекской земле или во время отдыха.

Песни " В ташелуэ нуру " / "Читин вахтна" /, " Бедняк " / "Касиб" /, "Противно стал мне светлый мир" / "Дар дубльназуэ аку динь" /, "Костоний экалугататор " / "Залум мулкидар" /, "Мулла" / "Маллайат" / и другие реалистично отражают повседневный быт, тяжелую долю табасаранского бедняка. В песнях резко отрицательно обрисованы образы ханов, беков, мулл.

Песни, отображающие политические события в Табасаране второй половины XIX -начала XX веков, в фольклоре сохранились в незначительном количестве. Однако в них прослеживается новое качество - призыв к активным действиям народа. Они извещают о близости восстания, уподобляя его ливню и разлитой широкой реке:

**Турфан гьубгьин уллубчIвур нир,
За шул учIври гьабни хамир.
СатIн духьну касиб- факьир,
Яв кIул убчIвру йигъ гьур, залум.**

**Ливень пойдет - разольется река,
Прокишет тесто - поднимется.
Объединимся, ивний и батрак,
Будут бить тебя, враг, - день такой придет.**

Традиционное четверостишие - баянд - основная форма внеобрядовой лирики табасаранцев. Если народные песни аварцев, даргинцев, лаксов, кумыков по своей форме могут быть астрофическими, то табасаранские внеобрядовые "мгьлайкр", как прави- ло, не выходят за канонические рамки восточного баянда.

Изобразительно- выразительные средства табасаранской поэзии сходны с подобными у народов Дагестана, особенно лезгиан. Самыми любимыми приемами изображения образов у народных певцов являются параллелизмы / особенно психологический/, сравнения, иносказания, наиболее редкое художественное средство - гиперболы.

Почти все внеобрядовые песни имеют силлабический восьми- сложный или одиннадцатисложный размеры. Преобладают стихи с восьмисложным размером, что выделяет их общность с лезгинскими " маньяр".

Третья глава - " Народная поэзия табасаранцев в ее связях с фольклором народов Южного Дагестана и Азербайджана". В ней рассматриваются творческие контакты табасаранцев с соседними народами, а также многоязычие народной поэзии.

Влияние культуры азербайджанцев и народов Ближнего Востока на фольклор табасаранцев в средние века носило закономерный характер. Табасаранско- азербайджанские культурные связи восходят еще к древним векам. В течение многовековой истории своей народы эти поддерживали добрососедские взаимоотношения

и вместе с другими кавказскими народами перенесли тяжесть освободительных войн против сасанидского Ирана, арабов, монголов, турок и других завоевателей. Находясь в соседстве с азербайджанцами и лезгианами, табасаранцы издревле имели с ними тесные экономические и торговые отношения. Сходство среды и быта, постоянные контакты друг с другом обусловили в их культурные связи. Это нашло свое отражение не только в архитектуре, прикладном искусстве, но и в фольклоре, особенно в народной поэзии. Этот культурный обмен осуществлялся через посредство ашугов, сказителей, бродячих музыкантов, которые были широко известны в VIII-XIX веках не только в Азербайджане, но и среди народов Южного Дагестана. "Очевидно, VIII век, - отмечает Ф.Вагабова", - особенно вторую его половину, можно считать эпохой классического ашугства в горах Дагестана".¹

Вслед за азербайджанскими "ашыгами" среди табасаранцев в XIX-XX веках появились и местные ашуги/"ашукь"/: Табасаранцы Ахмед, Гамид Мехталийский, Хасбулат Геригский / Гьеригь/, его дочь Нигарханум / или Гьенгерханум/, Раджаб Лахлинский, Ильяс Куштийский и другие, которые популяризировали у себя дастаны и ашугскую поэзию азербайджанцев. При этом наблюдалась одна особенность - исполнение произведений на двух языках. Местный ашуг или сказитель, повествуя о подвигах легендарного Кер-Огли или же о любви Гариба и Шахсенем на табасаранском языке, при исполнении поэтической части дастана под аккомпанемент чунгура переходит на азербайджанский язык. Аудитория воспринимает это как должное. Такова традиция исполнения любого азербайджанского

¹ Ф.Вагабова. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970, стр. 158.

дастана среди табасаранцев.

Аналогичное влияние, то есть, бытование иноязычных народных произведений в фольклоре, характерно бадахшанцам¹ /народности Памира/, народам Северной Буковины /Молдавская ССР/,² андийцам, дидойцам, пахурам и другим, в творчество которых проникли популярные образы соседних, более крупных народов.

Вследствие влияния азербайджанской культуры табасаранский фольклор пополнился мотивами, образами, отдельными дастанами и целыми сюжетами. На основе иноязычных сюжетов в табасаранском творчестве появились лирико-эпические произведения.

Лирико-эпические песни табасаранцев немногочисленны. Встречаются тексты, сохранившие только отдельные повествовательные эпизоды, некогда имевшие, возможно, определенный сюжет. Например, песня "Шараб любви" / "Могъюбетная шараб"/. Помимо самобытных песен с эпическими моментами в поэзии табасаранцев обнаружена лирико-эпическая песня с заимствованным сюжетом из фольклора народов Ближнего Востока. Так, популярная песня "Сонный шараб" / "НибиГун шараб"/³, сложена аналогично восточному "тенджису" одиннадцатисложным размером и повествует о трагической любви двух молодых людей. В песне рассказывается о том, что героиня Шахзада во сне встретила со своим возлюбленным в райском саду, выпила шараб-волшебный напиток любви-и сошла с ума.

¹ Н.Шакармамадов. Народная поэзия Бадахшана / Автореферат кандид. дисс./, Душанбе, 1969, стр.23.

² Т.К.Бостан. Общие фольклорно-этнографические комплексы у украинцев и молдаван на Буковине. Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке". Кишинев, "Штиинца", 1971, стр.220.

³ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, ф. 9, оп. I, д.372.

Лирико-эпическая песня "Сонный шароб" раскрывает трагедию влюбленных. В ней, как и в популярной дагестанской балладе "Дно-ша из Кази - Кумуха и девушка из Азайни", герои умирают. Текст этого варианта не полный, и поэтому трудно воссоздать законченную фабулу песни. Возможно, песня имела и другие эпические компоненты, не дошедшие до нас. Слушатель воспринимает события непосредственно из уст персонажей, повествующих о своей личной судьбе; произведение приобрело форму поэтического диалога, где песня героини переключается с песни героя. Трагический конец любви воспринимается как закономерное, ожидаемое явление. Судьба молодых была обречена, ибо их любовь противоречила идеологии до-революционного патриархального быта Табасарана.

Сюжет песни, а также изображение героев - страдальцев весьма сходны с фабулой любовных легенд из ближневосточного фольклора. Поэтому конец песни должен был отвечать распространенным мотивам несчастной страдающей любви. Самсубийство стало единственным выходом для героев, оно было как бы протестом против идеологических устоев феодального общества.

В результате исторических, культурно-экономических, торговых контактов двух народов, культура наиболее развитого из них оказывает заметное влияние на культуру малого народа. Поэтический фольклор соседей, приникший в устное творчество того или иного народа, бытует либо на языке, на котором он возник, либо на местном языке или диалекте.

Творческое взаимодействие разных народов, взаимопроникновение их культур, двуязычное и трехязычное бытование фольклора представляется не единичным явлением, а имеет закономерный характер.

Эта закономерность проявляется, как правило, у малых и малочисленных народов в результате многовекового контактирования с более крупными народами.

Вопрос многоязычия народной поэзии до последнего времени оставался без достаточного внимания фольклористов и лингвистов. В настоящее время проблема многоязычия привлекает все большее внимание.¹

Жанры табасаранского фольклора: сказки, легенды, предания, притчи, пословицы, поговорки, загадки, причитания, исторические сказания, детский фольклор и другие бытуют в народе лишь на родном языке. Внеобрядовая лирика, за исключением песен на темы социальной жизни народа, календарно-аграрный цикл песен, свадебная поэзия, дастаны бытуют на табасаранском, а также на азербайджанском и лезгинском языках. Помимо того, в табасаранской народной поэзии нами зафиксированы такие четверостишия, которые занимают промежуточное положение, они составляют синтетическую форму бенда на основе лексического материала табасаранского, лезгинского и азербайджанского языков.

Внеобрядовые и свадебные песни на лезгинском языке значительно распространены в селах Табасаранского и Хивского районов /особенно на стыке с лезгинами/. Так, из 700 бендов, записанных только за 1971 год в 27 селах вышеупомянутых районов, более 100 четверостиший составляют песни на лезгинском языке.

¹ "Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке" /сб. статей/, Кипшиев, 1971; "Проблемы двуязычия и многоязычия" /сб. статей/, М., 1972; "Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР" /сб. статей/, М., 1969.

Проникновение лезгинских народных песен в творчество табасаранцев определяется рядом причин. Благодаря добрососедству, торговым и культурным контактам с лезгинами почти вся взрослая часть населения Южного и Верхнего Табасарана владела лезгинским языком. Нельзя не согласиться и с высказыванием дагестанского лингвиста Б. Ханмагомедова о том, что издавна в Дагестане существовали языки межплеменного общения /например, аварский - в Северном Дагестане, лезгинский и азербайджанский - в южном, кумыкский - в равнинных районах и т.п./¹. Помимо того, табасаранский и лезгинский языки имеют некоторый общий лексический состав, что облегчает их взаимное общение. Это способствовало пониманию песен соседей, а также созданию "бендов" на двух языках. Не обходимо отметить и то, что народные мелодии табасаранцев, лезгин и азербайджанцев близки между собой по своему колориту, который вообще характерен для музыки народов Ближнего Востока. Многие табасаранские песни легко исполняются на мотивы азербайджанцев и лезгин.

Бытование азербайджанских дастанов и свадебной поэзии, внеобрядовых и свадебных песен лезгин в фольклоре табасаранцев можно рассматривать как закономерное, объективное явление взаимовлияния фольклоров различных народов и этнических групп. Проникая в духовную жизнь соседей, иноязычные произведения воспринимаются как родные, если они близки по колориту. Поэтому произведения соседей в среде той или иной народности, в основном, сохраняют лексику оригинала, лишь немного изменившись и дополнившись словами или выражениями из родного языка. Такое явление характерно, например, табасаранским версиям дастанов "Ашуг Гариб", "Асли и

¹ Б. Ханмагомедов. Взаимодействие языков в условиях многоязычия. См. кн. "Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР". М., 1969, стр. 221.

Керем", "Кер-Оглы" и др. Аналогичные явления можно найти в фольклоре других народов, в частности, Северной Буковины /Молдавская ССР/, в творчестве среднеазиатских народов, фольклоре малых народов Дагестана и др.

Параллельное бытование разноязычных произведений в фольклоре табасаранцев не привело к исключению из обихода того или иного произведения. Наоборот, одни тексты обогащали другие, создавая своеобразный симбиоз.

В табасаранской поэзии встречаются и такие бенды, кото-рые трудно установить, на каком языке они сложены. В составе одного и того же бенда происходит процесс смешения слов табасаранского и лезгинского / или же лезгинского и азербайджанского / поэтического лексикона. Подобные песни, содержащие слова разных языков, в художественно-эстетическом и смысловом отношении не уступают однородным текстам. Они подчиняются законам табасаранской грамматики. Вот пример одной из них, в которой в двух строках песни сочетаются слова трех языков:

Эмелвалли кили бу Сефьят,	С рожденья - цветок Сефьят,
Эмелвалли бина бу Сефьят.	С рожденья - красавица Сефьят.
Хунчадикина гел кьана Мурад	К подносу с едой подошел Мурад,
Кьанаги чхурхур такхана Мурад/.	В убранный зал - Мурад,

В примере нашем первое две строки на табасаранском языке, а остальные - на табасаранском, лезгинском и азербайджанском. Третья строка: "хунчадикина" /табас./, "гел" /азерб./ "кьана" /лезг/. А последняя строка полностью сложена на лезгинском языке.

Смешение разноязычных слов в одной песне обусловлено рядом причин. Среди них можно выделить следующую: в момент первого - чальной импровизации певца подбирает слова разноязычного лексикона, не совсем точно понимая смысл составленных строк и строф. У народных певцов наблюдается тяготение к новизне, к иноязычному творчеству, которое бытует по соседству. Ведь в народной песне мелодия и такт песни рассматриваются певцами - любителями как один из важных компонентов песни, нежели смысл самих строк. Это не следует рассматривать как закономерный процесс, однако подобное явление, хотя и редко, но наблюдается.

Итак, из всего сказанного можно сделать вывод, что в прошлом традиционный фольклор табасаранцев, с одной стороны, обогащался песнями / обрядовыми и внеобрядовыми /, сложенными табасаранцами на языках соседей, а с другой - в него проникали произведения лезгин и азербайджанцев / дастаны, обрядовые и внеобрядовые песни /.

Проникновение фольклорных произведений соседей в творчество табасаранцев объясняется следствием интенсивных культурных, экономических и торговых контактов этих народов в XVIII-XIX веках.

В то же время между двумя "линиями" развития и бытования песен в табасаранской поэзии существовала и третья, незначительная, включающая в себя поэтические строфы, так сказать, "синтетических песен" / термин условный /, сложенных на лексическом материале двух, а иногда, и трех языков. Такое явление в фольклоре характерно устному творчеству малых и малочисленных народов, когда происходило соприкосновение их поэтического творчества с культурой более крупных народов.

Табасаранская народная поэзия, развиваясь на собственной почве и обогащаясь под благоприятным влиянием культуры соседних народов, получила дальнейшие стимулы для зарождения и расцвета профессиональной литературы.

Устное народное творчество родного народа было и остается одним из источников зарождения и развития национальной литературы. И молодая табасаранская литература постоянно черпает из фольклора прогрессивные темы, идеи, образы. Советские табасаранские поэты и писатели - А. Джафаров, М. Митаров, И. Шамхалов и другие в своих произведениях широко пользуются образами и темами, заимствованными из народного творчества. Народные предания и легенды, мотивы и образы, обрядовые и внеобрядовые песни наряду с художественным вымыслом автора органически вплетаются в композиционную ткань произведений табасаранских писателей и поэтов, обогащая нашу советскую литературу.

Основное содержание диссертации
опубликовано в следующих работах :

1. Многоязычие табасаранской народной поэзии. Альманах "Дружба" / на лезгинском языке/. Махачкала, 1973, № 4.
2. Причитания табасаранцев. Альманах "Дружба" /на даргинском языке/. Махачкала, 1974, №3.
3. Образ горянки в народной поэзии. Журнал "Горянка" /на табасаранском языке/. Махачкала, 1974, № 5.
4. Народная поэзия - зеркало души. Журнал "Советский Дагестан" /на русском языке/. Махачкала, 1975, № 3.
5. Обрядовая и внеобрядовая поэзия табасаранцев. Альманах "Дружба" / на лезгинском языке/. Махачкала, 1975, № 1.
6. Табасаранские свадебные песни и традиции. Журнал "Горянка" /на табасаранском языке/. Махачкала, 1975, № 3.
7. Сб. "Сатира и юмор народов Дагестана". Сост. Х.М.Халилов и И.А.Ахляков. Подготовка табасаранских текстов, комментарии и перевод их с табасаранского языка на русский. Махачкала, 1976.